

¹⁴ Уложение. С. 115.

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ РФ ТИГИ. Д. 177. Л. 5.

¹⁷ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. М., 1936. Кн. 3. С. 52.

¹⁸ РФ ТИГИ. Д. 153. Л. 10.

¹⁹ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. С. 32.

²⁰ История Тувы. Т. II. С. 93–135; Очерки истории Тувинской организации КПСС. С. 40–78; Аранчин Ю.Л. Исторический путь... С. 95–173.

²¹ Дубровский В.А. Конституция Республики Танну-Тува Улус (народа Урянхая), № 2 // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. V. Кызыл, 1957. С. 295.

²² ЦГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

²³ РФ ТИГИ. Д. 762. Л. 11.

²⁴ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

В. М. Рынков

Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России

Большинство современных войн вынуждало к проведению воюющими сторонами эвакуации – населения, предприятий и учреждений. С этой проблемой Россия столкнулась ещё в годы Первой мировой войны. Тогда же были разработаны правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания эвакуированным и беженцам материальной помощи. В данном исследовании речь пойдет о более позднем периоде: времени гражданской войны, когда вопрос об эвакуации продолжал оставаться актуальным. В Сибири с лета 1918 г. власть перешла к ряду антибольшевистских правительств, среди которых наибольшее влияние имели Комуч в Поволжье и Временное сибирское правительство (ВСП). Осенью 1918 г. попытка объединения разнородных антибольшевистских сил привела к кратковременному появлению Директории – временного Всероссийского правительства, которое было 18 ноября свергнуто. В результате к власти пришло Российское правительство адмирала А.В. Колчака, до начала 1920 г. распространявшее свою деятельность на весь восток России.

Летом 1917 г. в стране насчитывалось по одним данным 6 млн беженцев, по другим – 3,8 млн¹. В Азиатской России располагалось 114 637 чел., или 3 % от всей численности беженцев. Больше всего их было в Акмолинской (31 963 чел.) и в Томской (30 005 чел.) губерниях². Итак, Сибирь столкнулась с эвакуированным гражданским населением задолго до начала гражданской войны. Предприятия же и учреждения в этот период эвакуировались, как правило, в европейскую часть России.

На востоке России ещё до революции на работу по эвакуации гражданского населения было ориентировано Переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации, оказывавшее продовольственную и медицинскую помощь беженцам наряду с крестьянами-переселенцами. Основные функции по «социальному призрению» беженцев в царской России выполняло МВД. Пособия и пайки выдавались через беженские общественные организации и изредка – напрямую через государственные структуры. Советская власть с 1918 г. вовсе прекратила выделение беженцам средств. Но немногочисленные служащие казенных учреждений, организовано эвакуированные в Сибирь, приписывались для продолжения исполнения обязанностей в одно из тыловых учреждений своего ведомства и сохраняли право на получение должностных окладов по месту приписки независимо от смены режимов. Это была не столько бюрократическая процедура, сколько вопрос корпоративной солидарности.

После февральских, и особенно октябрьских событий 1917 г. поток мигрантов возрос, изменился и характер миграции. В Сибирь направились тысячи жителей тыловых районов европейской части России, спасаясь от голода и от политического давления нового режима. Это была совершенно иная категория беженцев, чье бегство никак не было связано с оккупацией. Ни Совет народных комиссаров, ни ВСП не воспринимали их как беженцев, достойных государственной помощи. Более того, оба этих политических режима предполагали свернуть переселенческую работу, справедливо отмечая, что в 1917–1918 г. значительная часть людей, зарегистрировавших себя в качестве переселенцев, в действительности являлась внутренними мигрантами, использовавшими переселенческие льготы для более комфортного движения на восток. Многие из таких путешественников были самыми обыкновенными мешочниками. Поэтому распоряжением Министерства земледелия и колонизации в конце августа 1918 г. была приостановлена перевозка переселенцев и беженцев на восток, прекращена выдача им удостоверений на льготный проезд по железным дорогам³. Хотя заботу о давно прибывших в Сибирь беженцах ВСП продолжало считать своей обязанностью и кредитовало их содержание по мере возможности⁴.

Развернувшаяся с осени 1918 г. гражданская война в очередной раз в корне изменила положение. Масштаб вынужденных миграций мирных жителей в период гражданской войны ещё более возрос. Европейская часть России для «белых» была территорией, временно отданной противнику, и миграция на восток вновь стала восприниматься как бегство или даже организованная эвакуация. Первая массовая волна беженцев направилась на восток России при отступлении Народной армии Комуча из Поволжья осенью 1918 г. Если население спасалось бегством хаотично, и помощь со стороны государства была минимальной, то служащие по постановлению Комуча от 14 сентября 1918 г. получили ме-

сячный (семейные – полуторамесячный) оклад жалования⁵. 17 октября Совет управляющих принял решение зачитывать эвакуированным служащим жалование за октябрь в качестве эвакуационного пособия⁶. Собственных средств Комуча на выдачу пособия не хватало, эвакуационные пособия прибывающим с запада государственным служащим выплачивал Оренбургский комитет членов Учредительного собрания. В конце октября в самом Оренбурге стали готовиться к эвакуации и выдавать своим служащим эвакуационные пособия, правда, в сниженном размере⁷. Сложнее было служащим, прибывавшим на Урал – у них не было финансовой поддержки на местах.

Помощь государства, однако, слабо затрагивала основную массу населения. Жители многих крупных поволжских городов вынуждены были спасаться, едва успевая собрать чемоданы и в надежде, что эвакуация продлится неделю–другую. Другие не имели средств для длительного путешествия. Местные власти эвакуацию населения и гражданских объектов практически не готовили, чем усугубили социальные бедствия⁸.

17 сентября 1918 г. Административный совет ВСП постановил отказать управляющему внутренних дел Комуча в помощи по размещению беженцев из Поволжья и лишь принять меры к размещению уже проникших в Сибирь⁹. И только Директория 18 октября 1918 г. приняла решение о централизованном размещении временно эвакуированных в Челябинск служащих Комуча в Челябинске, Кургане и Петропавловске. Причем по размещении служащие должны были начать получать заштатное жалование¹⁰. 12 сентября 1918 г. Директория рассмотрела вопрос о необходимости регулирования беженского потока совместными усилиями Комуча и Временного сибирского правительства¹¹. Главнуполномоченный по делам беженцев А.И. Коробов принял решение послать особоуполномоченных квартирьеров по Транссибу от Кургана до Омска для подготовки и размещения беженцев в Сибири. Лишь после этого, 2 октября, Административный совет утвердил выдачу 1 млн. руб. в помощь беженцам из Поволжья в Сибирь, разрешив реквизицию помещений для беженцев по пути их следования по железной дороге¹². Но государственных ресурсов, финансовых или административных, явно не хватало для обслуживания эвакуированных и беженцев, и поэтому многое зависело от общественной инициативы, наличия деятелей с опытом работы по организации эвакуационных мероприятий¹³. По данным МВД, поток беженцев из Поволжья достигал 100 тыс. Правда, по неофициальным данным, из одной только Казани к «белым» бежало 78 тыс. жителей¹⁴. Число беженцев из Прикамья определяется мемуаристами «на глазок» в 40–50 тыс.¹⁵.

Приоритет в размещении и снабжении имели дети, старики, больные. Нетрудоспособным и не находившимся на чьем-то иждивении беженцам выдавали пособие в размере от 15 до 45 руб. в месяц. На обучение де-

тей беженцев государство выделяло 8 руб. в месяц. Впервые с 1915 г. размер пайков был проиндексирован и увеличился в 2,5–7 раз. Государство же, как и раньше, взяло на себя призрение беспризорных беженцев, оплачивая их содержание в приютах, а также обеспечение элементарных санитарных условий – содержание беженских общежитий, мытье в банях, стирку белья и пр.¹⁶. Из распределительного пункта в Новониколаевске, в соответствии с заранее намеченным планом, беженцы распределялись по сельской местности вплоть до Иркутска. Предполагалось, что они смогут заняться земледельческим трудом. Эта практика была отработана ещё в дореволюционный период, но не учитывала специфики беженства времен гражданской войны: среди беженцев преобладала интеллигенция. Новониколаевское Центральное справочное бюро успело осенью 1918 г. зарегистрировать только 25 тыс. беженцев, из которых трудоустроили лишь 561 чел.

29 октября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства принял постановление о порядке привлечения эвакуированных из Европейской России служащих правительственных учреждений к исполнению служебных обязанностей¹⁷. Постановление предусматривало вывоз за счет казны государственного имущества, служащих правительственных учреждений и их семейств. При этом в отмену постановления 28 ноября 1915 г. казна отказалась вывозить земские и городские учреждения¹⁸. Все правительственные служащие, если они подлежали эвакуации по распоряжению военных и гражданских властей после 1 сентября 1918 г., сохраняли право на занятие своих должностей и мест, но не получали по ним содержание, а числились в резерве. Правительство гарантировало лишь получение шестимесячного небольшого пособия.

Государственные органы спешили как можно скорее организовать реэвакуацию беженцев. Наступление «белой» армии в первые месяцы 1919 г. позволяло рассчитывать, что в ближайшем будущем жители Поволжья смогут вернуться домой. Поражения «белых» помешали осуществлению этой акции, и количество мигрантов с запада продолжало расти.

Следующая, куда более мощная, волна беженцев захлестнула Сибирь летом – осенью 1919 г. Как и во время отступления из Поволжья осенью 1918 г., военные часто скрывали истинное положение на фронте, опасаясь паники, подчас вводили в заблуждение обывателей, уверяя, что уральским городам ничего не угрожает. Поэтому ни эвакуационные службы, ни само гражданское население не смогли тщательно подготовиться к эвакуации. Так в спешке были покинуты Пермь, Екатеринбург. Стремительно отступавшие из Прикамья и с Урала войска осложняли продвижение гражданского населения. Основной поток беженцев двигался по Транссибирской магистрали. Вновь острой проблемой стало

то, что прибывавшие оседали в городах и на станциях. Главным сборным пунктом стало предместье Омска – станция Куломзино, где скопилось к началу осени до 100 тыс. беженцев. Железная дорога не справлялась с наплывом беженцев. Другим важным каналом перемещения беженцев для Урала стали реки. В июле–августе с Северного фронта по Тавде, Тоболу и Иртышу с Урала прибыло около 30 тыс. беженцев. Многие уральские крестьяне бежали от красных, вывозя на лодках все свое домашнее имущество и скот. Все думали, что отступление очень быстро сменится победоносным наступлением, и в ближайшее время все уральцы вернутся домой¹⁹.

Беспорядочное бегство соседствовало с организованной эвакуацией. Министр путей сообщения Л.А. Устругов 15 июля 1919 г. был назначен главой совещания по организации эвакуации, а при нем создали специальную межведомственную комиссию для согласования эвакуационных мероприятий²⁰. Эвакуированным государство должно было оплатить проезд и суточные за время пути, пособие на выезд, размер которого устанавливался постановлением 7 июля 1919 г., и двухмесячный оклад. Жалование полностью сохранялось, и его должны были выплачивать сразу после начала работы на новом месте. С 1 июня 1919 г. такой порядок эвакуации был распространен и на семьи военнослужащих²¹. Решение о выделении кредита на эти цели (8,6 млн) было принято 4 сентября²². 3 ноября 1919 г. при объявлении эвакуации или разгрузки прифронтовых районов служащим правительственных учреждений решено было выплачивать эвакуационное пособие в размере месячного оклада одиноким, двухмесячного – семейным, четырехмесячного – остающимся на месте²³. В декабре 1919 г. находившееся в Иркутске Российское правительство распорядилось, чтобы отказавшиеся от эвакуации служащие удовлетворялись окладом по день эвакуации учреждения, в котором они работали. Вместо проездных денег эвакуирующимся выдавались деньги на аренду и приспособление к проезду теплушек – по 7 тыс. руб. на теплушку, а в пути расходы оплачивались по мере надобности распоряжениями местных управляющих казенной палатой – весьма зыбкий вариант получения денег²⁴.

Одно дело – план эвакуации, и совсем другое – его реальное воплощение. Часто эвакуация начиналась вполне планомерно, но расстраивалась по пути из-за плохой работы транспорта. Многие учреждения и даже предприятия организовано вывозили, успевая собрать и упаковать их имущество, личные вещи работников. До места назначения служащие и их семьи прибывали разрозненно. Подчас и вовсе не могли отыскать друг друга и свое начальство. Нередко даже министерства не обладали информацией о том, куда эвакуировалось то или иное учреждение, циркулярно запрашивая сведения о своих исчезнувших губернских и уездных подразделениях²⁵. Пособия и суточные, прогонные за эвакуацию

выплачивались крайне нерегулярно. Особенно сложным оказалось материальное положение семей служащих, добровольно ушедших или призванных в армию. По закону они тоже подлежали эвакуации, но получали за ушедшего только разницу между его служебным и воинским окладом и не получали эвакуационное пособие. Отказываться же от эвакуации было опаснее, чем семьям других служащих – ведь их мужья и отцы служили в колчаковской армии, многие добровольно²⁶.

Отчеты руководителей МВД за июль 1919 г. представляли эвакуацию и беженство в радужном свете, утверждая, что все беженцы получают пособия. В жилищном вопросе глава МВД В.Н. Пепеляев не ожидал больших проблем, т. к. большинство беженцев – люди интеллигентных профессий, они предпочитали снимать частное жилье, нежели ютиться в казенных квартирах²⁷. По железной дороге Отделом призрения МВД были созданы 14 питательных пунктов, на водных путях – 3. В.Н. Пепеляев уверял, что средств для обеспечения беженцев вполне хватает, исходя из расчета, что если люди не обратились в бюро за помощью, значит, они в ней не нуждаются. По его сведениям, количество охваченных помощью беженцев определялось в 50 тыс. человек²⁸. Очевидно, что цифра эта занижена, и даже сам автор доклада о состоянии беженского дела определял их количество в 90 тыс., полагая, что лишь 50 % из них нуждаются в социальной помощи²⁹.

Вопреки уверениям управляющего МВД, не были охвачены учетом и обслуживанием беженцы, перемещавшиеся по гужевым путям. В связи с эвакуацией и прибытием беженцев в городах по Транссибирской магистрали серьезно обострился жилищный вопрос. Специальные бараки для беженцев начали строить ещё до революции. Но в зиму 1918/1919 гг. скученность в них была невероятная. В бараках 300 футов длиной и 80 шириной скапливалось около 300 человек. Помещения не проветривались. Семьи жили в отсеках за занавесками, в 2 яруса³⁰. Местные власти уже в августе 1919 г. били настоящую тревогу. В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизировать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан³¹. Помогли здесь особенно городские управы и общественные благотворительные организации, деятельность которых даже не упомянута В.Н. Пепеляевым в его докладе. Только Американский Красный крест построил на востоке России, по его собственным данным, 250 барачков, а также селил беженцев в собственных госпиталях³².

Работа правительства и общественных организаций по обеспечению беженцев в 1919 г. была более слаженной, чем в предыдущем году. Правительственные кредиты распределялись через Главноуполномоченного по делам оказания помощи беженцам при МВД. Кредитовались

структуры самого МВД, Переселенческого управления и Российского красного креста. Эти три крупных организации, благодаря государственным кредитам, развернули масштабную деятельность по адаптации беженцев к сибирским условиям. 1 августа 1919 г. Совет министров Российского правительства принял временное положение о мерах помощи беженцам, выделил 11 млн. руб. на пособия беженцам, 5 млн. руб. на эвакуацию и 3 млн. руб. на медицинскую помощь. В августе Строительно-распорядительному комитету предоставили право отчуждать необходимые помещения «для оборудования санитарных мест и размещения беженцев»³³.

Источники не позволяют дать точную демографическую картину вынужденной миграции на востоке России в годы гражданской войны. Публиковавшиеся данные в одних случаях сильно занижены, т. к. многие беженцы не регистрировались, перемещались без билетов. В других случаях, наоборот, статистические данные о количестве беженцев завышались. Правительственные и общественные организации, осуществлявшие помощь беженцам, старались таким образом добиться увеличения государственных субсидий.

Осенью 1919 г. только на Транссибирской магистрали находилось, по приблизительным оценкам, около 800 тыс. беженцев. Некоторые из них продолжали располагаться под открытым небом. Неудивительно, что временная стабилизация фронта в сентябре 1919 г. привела к скорейшей подготовке реэвакуации беженцев. Но отступление «белой» армии в октябре продолжилось, что не позволило осуществить эту идею. Случай частичной реэвакуации Тобольска в начале октября 1919 г. является исключением³⁴. В последующем Российское правительство практически потеряло контроль над перемещением беженцев. В ноябре 1919 г. к массе беженцев присоединились многие горожане Западной Сибири. Количество беженцев в Иркутске оценивалось газетами в 50–100 тыс. чел., в Томске статистические обследования зафиксировали прирост населения за 1918–1919 г. на 100 тыс. чел., причем беженский поток осени 1919 г. увеличил население города на 61 тыс. чел.³⁵

Для разгрузки Транссибирской магистрали правительство распорядилось запретить стихийный выезд беженцев из городов Западной Сибири на восток (только по разрешениям правительственных учреждений)³⁶. Тем не менее, железная дорога оказалась почти полностью заблокирована. Многие старались купить лошадь, т. к. гужом можно было продвигаться на восток даже быстрее, чем поездом³⁷. Тысячи подвод потянулись по проселочным дорогам на восток. Газеты сообщали, что впервые за долгие месяцы в сибирских городах пустовало множество квартир³⁸. Вряд ли удастся достоверно подсчитать, какое количество мигрантов из Европейской части России осталось в Сибири, сколько вернулось домой,

а сколько уехало за рубеж; сколько сибиряков присоединилось к беженцам в конце 1919 г.

Итак, деятельность государственной власти на востоке России в период существования антибольшевистских правительств в значительной мере продолжала дореволюционные традиции в сфере проведения эвакуационных мероприятий. Но поток бегущего по противнику гражданского населения возрос многократно, и государство смогло оказывать помощь лишь малой части беженцев. Под наиболее пристальным вниманием находилась судьба государственных чиновников, организация эвакуации которых беспокоила власть в первую очередь. В отличие от эвакуаций времен Первой мировой войны, прослеживается одна закономерная особенность – эвакуационные мероприятия имели наибольшую степень организованности на начальной стадии, непосредственно в прифронтовой полосе. Чем дальше в глубь тыловой территории приходилось вывозить учреждения и предприятия, тем более хаотичный характер приобретала эвакуация.

¹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за семьдесят лет. М., 1930. С. 71; Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 141.

² Курцев А.Н. Там же.

³ ГАТюмО. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 60 об.–61.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–50 об., 61.

⁶ Там же. Л. 98–98 об.

⁷ Оренбург. Вестник КОМУЧа. 1918, 30, 31 окт.

⁸ Елневский А. Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 171; Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Т. 1. Харбин, 1928. С. 248–249.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 20.

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33; ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 32. Л. 91.)

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 313. Л. 94; Ф. 180. Оп. 1 д. 27. Л. 3 об.

¹² Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 42–42 об.

¹³ Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Т. 1. Харбин, 1928. С. 248–249.

¹⁴ Записки белогвардейца // Архив русской революции. Т. X. М., 1991. С. 87.

¹⁵ Ефимов А. Ижевцы и вотскинцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 370, 373.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 329. ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33.

¹⁷ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX – 1920 г.) Томск, 1998. С. 298–301.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 35. Л. 72.

¹⁹ За Родину (Семипалатинск). 1919. 14 сент.; Кислицин В.А. генерал. В огне гражданской войны. Харбин, 1936. С. 45–47.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 104 об.–105, 110 об.–111, 112 об.–113.

²¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 15, 19 авг.

²² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85.

²³ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 3.

²⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 10 дек.

²⁵ ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 68–68 об.

²⁶ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028, 56–58, 32–32 об.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 365. Л. 92–92 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79.

²⁸ Там же. Л. 77 об.

²⁹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 330.

³⁰ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири. Время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. М. 2004. С. 268.

³¹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 366; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп.1. Д. 111. Л. 7–8; Д. 119. Л. 231–232 об., 419, 421; Свободный край (Иркутск). 1919. 10 авг.

³² Правительственный вестник. 1919. 22 авг.

³³ Там же. 1919. 6 нояб.

³⁴ Тобольский стрелок (Тобольск), 1919, 4 октября; Сибирская жизнь. 1919, 24 октября.

³⁵ Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 368; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск, 2000. С. 123, 255.

³⁶ Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.

³⁷ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 80–81.

³⁸ Сибирская жизнь. 1919. 11 дек.

М. Ю. Паско

К вопросу о времени возникновения номенклатурного учета управленческих кадров

Интерес к политической истории СССР, к истории системы власти, созданной после революций 1917 г., побуждает исследователей обращаться к проблемам политической элиты и номенклатуры. В последние годы эти проблемы изучаются все более интенсивно, растет количество публикаций, посвященных им, возникают даже специальные исследовательские институты, специализирующиеся на указанной проблематике. Вместе с тем, некоторые трудные для изучения аспекты темы остаются незаслуженно обделенными вниманием историков. Речь идет в первую очередь о возникновении и начальном этапе становления номенклатур-

ной системы в СССР. Данная проблема специально освещалась лишь в работе В.П. Пашина и Ю.П. Свириденко, вышедшей в 1995 г.¹

Недостаток исследований проблемы генезиса номенклатуры порождает путаницу в определении как самого понятия «номенклатура», так и хронологических границ применения этого понятия. Собственно, определение номенклатуры как перечня должностей, кандидатуры на которые рассматриваются, рекомендуются и утверждаются партийными комитетами, приведенное М.С. Восленским, в настоящее время является общепринятым². Из этого определения следует, что номенклатура – это в первую очередь бюрократическая система учета управленческих кадров. Однако в определении далее указывается, что под номенклатурой следует также понимать людей, занимающих управленческие посты; следовательно, номенклатура – это еще и социальная группа, состоявшая из управленцев. Эта двойственность ключевого понятия – не единственная проблема.

Если исследовать номенклатуру только как бюрократическую систему учета управленческих кадров, необходимо определить ее специфику, т. е. то, чем номенклатурный учет отличается от обычной работы, проводимой отделами кадров организаций и предприятий. Первое отличие очевидно: при номенклатурном учете основной кадровой работы служили особые списки – номенклатуры управленческих должностей. Вторая специфическая черта номенклатурного учета состоит в том, что он централизованно осуществлялся партийными комитетами, от ЦК до райкомов: именно в партийных комитетах составлялись номенклатурные перечни должностей для всех ведомств и принимались решения о назначениях и смещениях управленцев, входивших в номенклатуру. Таким образом, номенклатурный учет являлся основой кадровой политики, проводившейся руководством советского государства и касавшейся всех отраслей управления – партийной, советской, хозяйственной и т. д.

Некоторые современные исследователи склонны считать, что эта политика проводилась с начала 1920-х гг. Так, А.Б. Коновалов пишет: «Становление органов советской власти в начале 1920-х годов неразрывно связано с формированием особого управленческого института, который уже тогда именовался номенклатурой»³. Автор цитирует ряд циркуляров 1921–1923 гг., касавшихся учета ответственных работников, но совершенно не разъясняет ни того, основывался ли этот учет на централизованно составленных номенклатурах, ни того, насколько этот учет был внедрен в реальную повседневную практику кадровой работы. А.Б. Коновалов никак не обосновывает суждение о том, что уже в начале 1920-х гг., а именно в 1921–1922 гг., изучаемый им институт именовался номенклатурой. На наш взгляд, это не случайно.

Начало 1920-х гг. стало для новой власти временем испытания на прочность. Проблемы, которые следовало решить в кратчайшие сроки,